

• **Любовный бестселлер** •

Роман

Если любишь —
не сдавайся!

Дарья
Сурарокова

Притворись,
что мы в несте

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С89

Художественное оформление серии *Г. Булгаковой*

Разработка серийного оформления *А. Кудрявцева*

Сумарокова Дарья Викторовна.

С89 Притворись, что мы вместе : [роман] /
Сумарокова Дарья. — Москва : Издательство
«Э», 2017. — 640 с. — (Любвный бестсел-
лер).

ISBN 978-5-699-94012-7

Жизнь постоянно ставит симпатичную и талантливую докторшу Лену перед моральным выбором: лететь ли среди ночи в больницу на необязательный вызов или остаться в рамках должностных инструкций и продолжать спокойно спать; уходить ли от мужа-алкоголика или терпеть насилие и неуважение; ехать ли в коттедж на романтический Новый год с возлюбленным или подарить долгожданные праздники дочери; продолжать ли служить любимому, но безденежному врачебному делу или найти способ выбраться из нищеты? Лена упорно делает выбор в пользу наиболее хлопотного варианта. Она поступает так подсознательно... Но ошибается ли она?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94012-7

© Сумарокова Д., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

1992–1995

На самом деле причиной всему послужило ничем не примечательное окно. Лет двадцать назад кто-то наспех покрасил его грязно-белой краской, впоследствии осыпавшейся с отсыревшего дерева нелепыми бесформенными лохмотьями. Мне было четырнадцать, когда наше семейство наконец-то переехало из военного общежития в отдельное жилье. Новая квартира казалась роскошной: целых три комнаты. Большая досталась родителям, комнату поменьше определили Сашке и Борьке, младшим братьям-близнецам десяти лет от роду, меня поселили в самую маленькую, узкую и темную, похожую на трубу. Я была счастлива.

В то время спальные районы Санкт-Петербурга росли, как поганки после сентябрьской мороси. Сложно было даже представить, что буквально полчаса езды на метро — и ты в совершенно другом мире. Запах гранита, тяжелые воды Невы и балтийский ветер. Совсем рядом Эрмитаж отражается в тяжелых низких тучах, а за кулисами Невского проспекта каждая парадная, каждый колодец хранят тени тех, кто играл главные роли в самых важных спектаклях за последние двести лет.

Хотя хватит уже слюнявой лирики, вернемся к новейшей истории. Какой-то гений советской архитектурной мысли построил безликую пятиэтажку практически в двадцати метрах от хирургического корпуса большой городской больницы, а может, и наоборот — больницу около дома, что, собственно, не принципиально. И так

уж было суждено: окно моей комнаты располагалось как раз напротив операционных блоков.

В отношении учебы я представляла собой заурядную скучно-терпеливую отличницу. Из папиного: Ленка все задницей берет — зубрила. Мой рабочий стол поставили около того самого облезлого окна, помыть и перекрасить которое не успели: отец не был поборником закаливания и тут же, поскольку вселились мы зимой, заткнул рамы ватой и заклеил их несметным количеством слоев бумаги. Довершала композицию профилактически-лечебная инсталляция из алоэ и герани в ужасных коричневых горшках — самый яркий образ социалистического подоконника. Все имело высший смысл, ведь каждая простуда единственного отпрыска женского пола становилась в нашей семье событием значительным и печальным.

Необычное соседство я заметила почти сразу: в процессе наукогрызения мои мысли регулярно уплывали за окно, а там практически каждый вечер происходили поразительные события. Как только темнело, над дверью приемного покоя того самого хирургического корпуса включали яркую лампу, что давало возможность разглядеть все происходящее в деталях, несмотря на расстояние. Сценарий всегда был неизменен: по несколько раз за ночь к дверям подъезжали кареты «Скорой помощи», легко и привычно взлетая на полутораметровый пандус. Задние двери машины открывались, оттуда выносили носилки с больным. Тут же, прямо на улице, пациента перекладывали на больничную каталку и спешно завозили в приемный покой.

Затем, чаще всего минут через десять-двадцать, можно было увидеть, как в операционной напротив моего окна загорается свет. Сначала появлялись операционные сестры, раскладывали инструменты и включали аппаратуру, потом завозили больного. Последними заходили хирурги. Все происходило быстро, но без суеты.

Этот необыкновенный мир отвлекал меня от уроков и погружал в совершенно другую реальность. Непостижимо, иррационально и невероятно притягательно. Детали операции разглядеть было трудно из-за расстояния и спин врачей, но все же оторваться не представлялось возможным. Через несколько дней после появления ночного хобби я втихаря конфисковала у отца армейский бинокль. Преступление свершилось безо всяких угрызений совести, теперь появился шанс различить детали происходящего на операционном столе. Военная техника не подвела: в первый же вечер случился полный катарсис. Среди окровавленных салфеток и каких-то металлических предметов я увидела часть темно-красного ровного блестящего предмета, похожего на кусок говяжьей печени, и тут же почувствовала себя Эйнштейном. Стало совершенно очевидно: наша печень такая же, как у коровы или свиньи. Две больших мужских руки в перчатках довольно грубо, как мне тогда показалось, щупали эту часть живого организма, пальцы шарили, явно что-то искали. Потом из глубины совершенно живого человека начали доставать уже не совсем узнаваемые запчасти, их безбожно мяли и дергали и в довершение всего прямо на салфетку из живота вывалили огромный ком беспорядочно переплетающихся между собой розово-серых колбасок. С некоторым опозданием я поняла, что это был кишечник, самый длинный орган человека. Все перечисленное описывалось в учебнике по биологии, но только убогая картинка оказалась очень далека от оригинала. До конца досмотреть операцию в первый раз я так и не смогла: был риск оставить на тетрадке по математике весь свой ужин.

После всех этих переживаний в моей голове вертелись одни и те же вопросы: как такое возможно? Кто эти люди, которые кромсают и сшивают странные устройства внутри человека? Как могут они разбираться в этом механизме, чинить то, что сотворено до сих пор неиз-

вестно кем, неизвестно откуда пришло и неизвестно куда уходит? Кто скажет, что знает ответ? При этом больше всего меня поразила уверенность, с которой эти на вид обычные мужчины ковырялись внутри живого существа.

Через некоторое время я поняла, что больница дежурит по «Скорой помощи» несколько раз в неделю, так что только в определенные дни операционная работает вечером и ночью. Вечерняя бригада неизменно состояла из двух операционных сестер, анестезиолога и двух или трех хирургов, один из которых возглавлял операцию, а другие, как я определила впоследствии, просто помогали ему.

Я ждала этих вечерних баталий с большим нетерпением, после многих месяцев стала узнавать хирургов по повадкам и манере работать, у меня появились любимчики, я выучила расписание их дежурств и предвкушала встречу, страшно жалея, что из-за масок нет возможности рассмотреть лица.

Один из них, я прозвала его Лезгин, — большой субъект с вечно торчащей из-под колпака нечесаной шевелюрой, — почти всегда был весел, в процессе работы беспрерывно балагурил, и это значило, что все идет хорошо и легко. В самом конце праздника жизни он непременно тут же швырял перчатки в таз и хлопал по мягкому месту всех участвовавших в процессе дам, а потом частенько, когда, видимо, операция особенно удалась, начинал выплясывать лезгинку вокруг операционного стола. Несмотря на расстояние, несложно было понять: все присутствующие женского пола были влюблены в него, впрочем, как и я. Если же процесс излечения шел плохо, он мог запросто запустить инструмент в стену, после чего операционная сестра безропотно подавала ему чистый, терпеливо дожидаясь следующего приступа ярости. Я чувствовала себя абсолютно несчастной от невозможности даже просто приблизиться, побыть

рядом, посмотреть и хотя бы краем уха услышать, о чем *они* говорят.

Запомнился совершенно седой старичок. Он был такого низкого роста, что перед операционным столом ему под ноги ставили деревянную скамеечку. В начале операции анестезиолог помогал ему забраться на подставку, осторожно поддерживая под локоть. Из-за своей сутулости дедушка напоминал рыболовный крючок. А смешные очки с толстыми стеклами сестры привязывали ему за дужки поверх колпака. Однажды операция началась в семь часов вечера, и когда я около часа ночи ложилась спать, медсестры по очереди продолжали заботливо освежать ему лоб и протирать очки. Проснувшись в три часа, я опять подошла к окну — старый доктор все еще оперировал, и лишь в четыре утра второй хирург, молодой парень, помог ему спуститься с возвышения и покинуть операционную. Через несколько месяцев подглядываний я поняла: старичок не дежурит регулярно, его привозят на «Скорой» два-три раза в месяц; видимо, в каких-то особых ситуациях. Девятого мая, проходя мимо больничных ворот, я узнала его в толпе готовящихся к демонстрации по низенькому росту и сутулой спине. Он был в форме военного врача, на груди мундира не осталось свободного места из-за орденов и медалей, почти как у моего деда. В конце учебного года, перед началом школьных экзаменов, я опять засиделась за полночь и вновь увидела, как старая раздолбанная «Скорая» привезла дедулю к приемному покою. Тогда мне показалось, что ему было особенно тяжело вылезать из машины. С неприятным волнением я наблюдала, как доктор, опираясь на палочку, потихоньку идет от машины к дверям, отказавшись от помощи выбежавшей его встречать санитарки. Через двадцать минут, как обычно, загорелся свет над операционным столом, и ему, как всегда, приготовили под ноги подставку, но в этот раз он провел за работой всего около часа, и его

сменил молодой парень, ассистировавший последние несколько недель.

После того вечера прошло всего несколько дней. Возвращаясь из школы, я увидела похоронную процессию за воротами больницы. Внутри у меня все сжалось от скверного предчувствия. Приблизившись, насколько это было возможно, я успела разглядеть в маленьком, будто детском, гробу сверкающие на солнце знаки давно улетевшей войны. Военный оркестр играл «Смуглянку», а в больничном скверике словно наступила зима: все пространство вокруг наполнилось белыми цветами. Мой дедушка был еще жив; меня душили слезы, но в то же время я была счастлива.

«Я могу прямо сейчас, потратив один жетончик на метро и двадцать минут времени, увидеть деда живым и веселым», — думала я.

Еще один главный герой операционной сцены тоже явно вышел из военных. Ему было около сорока, жестами и повадками он походил на моего отца. Держался всегда спокойно, никогда не суетился, даже если все вокруг начинали паниковать, он работал не спеша и уверенно. Однажды ему достался, как я догадалась, совсем погибающий больной, молодой парень. Операция длилась не менее шести часов. Я наблюдала, и мне, как всегда, страшно хотелось узнать, какая непонятная поломка случилась с таким же, как я, человеком, укутанным сейчас в белоснежные стерильные простыни. В течение этих бесконечных часов больного три раза возвращали к жизни, безжалостно всаживая в него электрические разряды один за другим и упорно пытаясь оставить в этом мире. В конце концов проиграли. Военный последним отошел от стола. Приблизившись к огромному окну операционной, он снял маску и колпак. Я видела в бинокль его лицо так явственно, как будто он стоял рядом со мной. Уставшие глаза и глубокие морщины. Несколько минут он просто смотрел

в темноту, а потом мне показалось, будто губы его слегка зашевелились, как если бы он шепотом разговаривал с кем-то, не желая быть услышанным окружающими. Взгляд стал жестким, даже жестоким. Ужасно хотелось подслушать и понять, к кому же обращен его гнев по ту сторону ночной темноты.

Они были богами, и этот факт не подлежал сомнению: раз они могли спасти чью-то жизнь, значит, в этот момент радикально изменяли решение, которое принял кто-то наверху (или внизу, или еще где-то, черт его знает где).

Однако оставалось большой загадкой, как же можно присутствовать внутри живого человека, понимать и знать его устройство. Мне казалось, что выше этих знаний нет ничего, и все то, что проходили в школе, теперь считалось ненужным и бесполезным. В самых тайных мыслях я боялась даже представить себя там, рядом с ними. Невозможно нарисовать такую картинку, где я буду стоять в операционной, смеяться, как они, разговаривать, как они, понимать их и делать то, чем они заняты каждый день, находясь в непрерывном поединке с болезнью и смертью. Трудно преодолеть чувство собственной неполноценности, однако вечерние баталии за окном не отпускали, и я решила попробовать.

Воспламененные соседством с больницей идеи были сокровенной тайной, никто из домашних не догадывался о моих ночных бдениях. Школа наконец близилась к финалу, оставались еще десятый и одиннадцатый классы, и мое заявление о намерении пойти в медицинский было воспринято довольно истерически.

Во-первых, медиков в семье не наблюдалось до седьмого колена, интеллигенция развивалась сугубо в военнотехническом направлении. (Военмех — вот это институт! — опять же из папиного.)

Во-вторых, как мне сразу пояснили, не было ни нужных знакомств, ни лишних денег, а что такое Первый

медицинский в Санкт-Петербурге, знали все. Просто impossible.

В-третьих, и самое главное. Из маминого: муж-медик — это ни денег, ни спокойствия, и вообще, в больницах творится страшный блуд. Последний факт страшно заинтриговал и только подогрел желание свершить невозможное. Судя по всему, на тайном семейном совете было принято решение не мешать, но и не помогать, надеяться на перемену в настроении находившейся в активном пубертате пятнадцатилетней девушки.

Так уже произошло однажды, когда в раннем детстве я с невероятным упрямством доставала родителей желанием поступить в музыкальную школу. Мама была на последнем издыхании с близнецами, отец поздно приходил с работы, и, как только я начинала разговор о музыкальной школе, отказ следовал незамедлительно. На помощь, втайне от всей семьи, пришел дед Ваня, научивший меня петь «День Победы», а потом назло всем отправившийся со мной на вступительное прослушивание. Опять же не сказав никому ни слова. Педагог по фортепиано Любовь Аркадиевна была настолько поражена неординарностью моего репертуара, что, несмотря на полное непопадание в ноты, все-таки взяла меня в свой класс. Эпизод и правда оказался не без юмора: пела я ужасно, но с чувством полной уверенности в своей правоте. Дед пришел со мной на прослушивание в офицерском кителе со всеми орденами и медалями, и такая группа поддержки означала для меня абсолютную гарантию успеха.

Теперь же прийти на помощь было некому, дедушка уже не мог полноценно участвовать в моей очередной авантюре. Затаившись, я старалась не думать о том, что же буду делать, если не поступлю.

Периодически, раза два в неделю, я заходила к бабушке с дедушкой в гости, но даже там не решалась расслабиться и поделиться своими планами до конца.

Жили они немного ближе к центру, чем мы, в добротном сталинском доме. Две большие комнаты в коммуналке с высокими потолками и хорошие соседи являлись причиной нежелания попробовать поменять все это хозяйство на однокомнатную квартиру в нашем районе.

Дед время от времени хитро поглядывал на меня, ожидая какой-нибудь вопиющей веселухи, да такой, чтобы все семейство разом проснулось и заходило на головах. Так ему нравилось. Причины его веселого душевного устройства оставались тайной, потому что дед был сиротой. В возрасте примерно пяти лет (точный возраст неизвестен) его нашли на железнодорожном полустанке истощенным, с тяжелой лихорадкой. Единственное, что он четко о себе знал, это имя: Иван. Сразу после того, как его накормили, он начал громко петь на коверканном хохляцком языке разные неприличные песенки, посему фамилию определили как Певучий. А дальше мореходное училище, Испанская, Великая Отечественная, Японская... короче, жилось ему теперь страшно скучно, и чем сильнее раскачивалась по разным причинам семейная лодка, тем для него было лучше. Самое важное — потенциал для безобразий он всегда находил прежде всего во мне. Никак не мог забыть кислую физиономию отца в те моменты, когда я яростно брэнчала гаммы на стареньком пианино.

Последние два класса пронеслись быстро, и провела я их рядом с тем самым окном. Я стала намеренно завешивать его плотными шторами и очень редко теперь позволяла себе отвлекаться на завораживающие спектакли. Время и пространство заполнялись несметным количеством учебников по биологии, химии, а также Булгаковым и Чеховым. Творения последних оказались понятны лишь местами, однако оба были врачами, что, несомненно, повышало ставки: сочинение по их произведениям явно могло прокатить.

Родители не могли не замечать гору книженций

с очевидным медицинским уклоном и существовали в такой обстановке беспокойно, с тайной надеждой на неминуемый провал. В конце одиннадцатого класса меня таки заставили досрочно поступить в *нормальный* технический институт. В марте девяносто пятого года, еще не окончив школу, я оказалась студенткой того самого Военмеха. Несчастней перспективы для блондинки, с трудом боровшейся с математикой и физикой, невозможно было представить. Поступила я туда благодаря коллективному разуму большой компании пацанов из моего класса, также решивших воспользоваться началом грандиозных перемен в российском образовании и стать студентами еще до окончания школы. Какая такая реформа требовалась одной из лучших образовательных систем в мире, никто так и не понял, включая, судя по всему, и тех, кто эту реформу затеял. Так или иначе, угроза осеннего призыва отпадала сама собой.

По ночам я продолжала упорствовать, засыпая с толстыми конспектами о простейших, многоклеточных, ковалентных связях и свободных радикалах. Стадии развития сперматозоидов я вызубрила с каким-то особым остервенением, и, как оказалось, не зря: именно этот вопрос был первым в моем билете по биологии.

Финальный аккорд перед поступлением в Первый мед получился совершенно неожиданным: несмотря на то что ничего, кроме учебников, я вокруг не замечала, в июне после выпускного бала я вернулась домой с большим сюрпризом для себя самой — с поклонником по имени Владимир Сорокин. Вышеуказанный господин в первую же минуту внушил моей маме полный душевный покой: он был невозмутим, молчалив, в меру симпатичен, а самое главное — он был студентом третьего курса Финэка. На наш выпускной Владимира притащил его двоюродный брат, учившийся в параллельном классе. Кое-что непонятное в кавалере все-таки имелось: он проводил меня не только до квартиры, но и до

моих родителей, передав им лично на руки, чего обычно молодые люди стараются избегать.

Предки Владимира несколько лет назад удачно переехали в Санкт-Петербург из Средней Азии. Глава семейства много лет проработал на каком-то закрытом объекте, безвозвратно исчезнувшем в пыли постсоветской истории. Семья была крепкой и зажиточной, что не могло не радовать моих родителей. Тут же последовал второй удивительный факт: вышеозначенный Владимир почти сразу после нашего с ним знакомства представил меня своей родне. Отнеслись ко мне спокойно, даже по-дружески. Отцу, совершенно очевидно, было все равно, а мать, судя по всему, нашла в моем появлении некоторые положительные моменты — ситуация стала предсказуема и необходимость переживать по поводу беспорядочной личной жизни сына отпала. Владимир оказался немногословен, его прошлые отношения так и остались для меня тайной.

Напомню: в то время я и сама была похожа на примитивное многоклеточное из моих конспектов и больше всего на свете боялась, что кто-то или что-то помешает мне своим чрезмерным присутствием. Братья нещадно выкидывались из комнаты при любой попытке отвлечь меня от учебников. Однако Владимир обладал определенной мерой терпения и довольствовался маленькими радостями: довозил меня до Петроградки, где находился институт, или же встречал после вечерней аэробики — единственного отдыха, который я себе позволяла.

И вот — июль 95-го.

Туман и напряжение.

Вернувшись домой после третьего, и последнего, экзамена, я плотно занавесила окно и решила не подходить к нему до того момента, пока наконец не узнаю свой приговор.

Вечером 24 июля отец позвонил в деканат, и на том конце провода совершенно равнодушная тетя сонным